

*Как и какими мы вышли из гоголевской «Шинели»? (версия В.Маканина)*

Универсальное влияние на отечественную или тем более на мировую литературу – удел немногих (даже великих) писателей. Н.В.Гоголь из их числа, а его «Шинель», едва появившись, заняла одно из ведущих мест в национальном культурном космосе. Небольшая повесть, справедливо претендующая на роль отечественного культурного мифа, создавалась как бы на обочине основных замыслов писателя: задуманная еще в 1834 г., она была напечатана только в 3 томе собрания сочинений Гоголя в 1842 г., когда писатель уже прославился своими «Вечерами на хуторе близ Диканьки», «Миргородом», когда уже утихли страсти вокруг его «Ревизора», и когда, наконец, вышел первый том «Мертвых душ», вызвавших многолетнюю, даже многовековую полемику вокруг имени и творений писателя. В силу этих обстоятельств рождения «Шинель» вполне могла остаться в тени вершинных творений Гоголя, но этого не произошло. Именно эта маленькая повесть стала визитной карточкой нового направления в русской литературе. А давно обретшая весомость афоризма мысль Ф.Достоевского («Все мы вышли из «Шинели» Гоголя»), высказанная им в беседе с французским критиком М. де Вогюэ, вышла за рамки констатации факта бесспорного влияния Гоголя на натуральную школу, а через нее и на последующее развитие отечественной литературы и обрела значение формулы, декодирующей ментальную сущность русской послегоголевской словесности.

С легкой руки Гоголя «маленький человек», образчиком которого явился герой «Шинели» Акакий Акакиевич Башмачкин, стал уже в 1840-60-е гг. едва ли не главным героем русской литературы. И хотя отношение современной писателю критики к повести и порожденному ею потоку бесчисленных подражаний на тему бедного чиновника не было однозначным, сам факт рождения новой, часто отождествляемой современниками с Гоголем нату-

ральной школы в русской литературе (что и породило дискуссию славянофильской критики с Белинским в 1840-е гг.) оказался значимым. Современники Гоголя возносили и поносили «Шинель» за одно и то же: сочувствие к маленькому, бедному чиновнику и правдивое изображение мелкой жизни «вечного титулярного советника». Они хотя и угадали, что с Гоголя начался новый, «гоголевский» этап развития отечественной словесности, но разошлись во мнениях о том, хорошо это или плохо.

А как это осознается сегодня? Какой видится литература и общество, вышедшие из «Шинели» Н.В.Гоголя? Вписалась ли гоголевская «Шинель» в моделируемую постмодернизмом «текстуализированную» гиперреальность? Как и какими мы вышли из гоголевской «Шинели»? Ответ на эти вопросы кажется актуальным не только для литературоведения, но и для истолкования нынешней социокультурной ситуации.

Тем любопытнее вариант ответа, предложенный писателем, вступившим в литературу еще в конце 60-х гг. прошлого столетия, пережившим с ней все «перестройки», но так и не совпавшим ни с одним из «измов» – В.Маканиным. Разглядывая современную Россию через призму усвоенных национальным коллективным бессознательным литературных мифов, В.Маканин пытается постичь литературные истоки происходящих в обществе процессов, уходя от приоритета деконструкции «сакральных мест», идеологием советского коллективного бессознательного, характерной для социально ангажированных концептуалистов 70-80-х гг. (Д.Пригов, В.Сорокин), одновременно освобождая от плевел и «раздевая» привычные, классической литературой рожденные мифологические модели мира и человека. Именно литература (по Маканину) помогает «прочитать», понять воспринимаемую как катастрофическая российскую действительность периода распада бывшей Великой советской империи.

Производя археологические раскопки в национальном культурном бессознательном, писатель стремится выявить некую национальную топику, **общенациональные константы культуры**, синонимом которой для россий-

ского сознания с момента рождения светской письменности была именно литература, те внедренные в сознание литературой знаки, которые определили не только национальный художественный код, но и саму социальную модель жизни россиян.

Именно поэтому в рубежном для творчества писателя 1990-х гг. романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1999 г.) он заменяет принцип транскультурности и мультирелигиозности, характерный для постмодернизма как социокультурного феномена, подчеркнутой, декларируемой монокультурностью. Писатель живет в мире постмодернистского мышления и постмодернистской поэтики, определяющей различные формы современного художественного мышления, поэтому Маканин и **заменяет** один из краеугольных знаков постмодернизма, а точнее, трансформирует его. В «бесконечной Вавилонской библиотеке уже созданных текстов», как называет Борхес метатекст современного мира, Маканин отбирает только «свое», ограничивая круг знаковых образов отечественной культурой, отражая бесконечное число раз те культурные знаки, которые давно вошли в массовое сознание, став «общим местом», и уже в силу этого определяют обличье национального, «своего» героя нашего времени. И здесь гоголевская «Шинель» оказывается в числе самых главных русских культурных мифов, рожденных литературой и означенных в мифологических названиях глав романа Маканина: «*Дулычов и другие*». «*Маленький человек Тетелин*». «*Я встретил Вас*». «*Собачье скерцо*». «*Зима и флейта*». «*Палата номер раз*». «*Другой*». «*Двойник*». «*Один день Венедикта Петровича*».

В первой же фразе главы «*Маленький человек Тетелин*»: «Тетелин погиб, когда купил себе столь желанные твидовые брюки в торговой палатке, что прямо под нашими окнами (Сюжет “Шинели”»,<sup>1</sup> – не только прямо означен литературный претекст, но и подчеркнута генетическая связь имени современного «маленького человека» Тетелина с гоголевским Акакием Акакиевичем, получившем в первой редакции повести Гоголя значащую фамилию – Тишкевич, удваивавшую корневую для характера гоголевского героя

черту, обозначенную и в имени (Акакий – тишайший). Но и этого не довольно для автора «Андеграунда...», и он сразу после продекларированной параллели с мифологизированным гоголевским героем называет Тетелина «тихоней», хотя тут же обозначает и обратную сторону вынужденного смирения такого человека – агрессию: «Тетелин счел, что брюки ему длинны, тихоня, а ведь как осмелел: швырнул брюки обратно в пасть палатки, требуя от кавказцев деньги назад»<sup>2</sup>. А уж потом, чтобы в сознании читателя не исчезло навязчиво подчеркиваемое сходство, называет мечтавшего о твидовых брюках и погибшего из-за того, что они оказались длинны, Тетелина «этот Акакий Акакиевич».

Однако в современном мире сюжет «Шинели» разворачивается иначе, чем в культовом для русской литературы тексте. Мизерабельность, мелкость не только самой мечты нынешнего Акакия Акакиевича (твидовые брюки), но и неоправданных страданий из-за того, что они оказались длинны, усиливается показом вполне доброжелательного отношения к Тетелину продацов-кавказцев, предложивших ему просто подшить длинные брюки. Невольные «убийцы» вовсе не агрессивны, а скорее растеряны, ибо причина неожиданной остановки сердца разнервничавшегося Тетелина кажется им, да и читателю романа, ничтожной. Поэтому в описании действий кавказцев закономерно возникает ключевое для гоголевского типа определение «тихий»: «...на поминки пришел Ахмет (искать мира). Тихий, почти бесшумный шаг, никто и не заметил, как и когда он вошел – он появился»<sup>3</sup>. Более того, травестируя мифологему, Маканин именно в уста кавказца вложил знаменитое гоголевское «Я брат твой»: «– Брат, – говорил один. – Брат, – вторил другой»<sup>4</sup>.

В «Андеграунде», как и у Гоголя, «жалкость» Тетелина последовательно нагнетается, накапливается в его характеристиках («тихоня, преподавал фирменную жалость..., жалкий, ничтожный, и глаза, как у кролика»<sup>5</sup>). Но в этом накоплении степени жалкости негоголевская, иная, осуждающая интонация слышна, а потом и провозглашена прямо: «...к концу года господин

Тетелин окончательно эволюционировал в мелочного сторожа-крохобора... недосмотрели маленького»<sup>6</sup>.

Попадая в число литературных констант национального коллективного бессознательного, будучи означенной автором как таковая, (отметим попутно, что знаковость «Шинели» определила и наличие одноименной номинации в известной литературной премии России – премии им. Н.Гоголя), «Шинель» в ряду иных культурных национальных мифов позволяет Маканину осознать литературоцентричность не только как **ментальную черту**, но и как **декодер психологии целого поколения россиян**, названного писателем поколением «солдат литературы», вытесненных из нового времени «поколением политиков и бизнесменов» со своим, уже не литературным, а потому и не «лишним» (!) - новым героем.

«Литературное» поколение восприняло гоголевского героя таким, каким его сделала национальная культурная традиция: требующим безусловно сочувствия «маленьким человеком», который наряду с другим, не менее знаковым для отечественной литературы типом, «лишним человеком» (лермонтовская формула его заявлена в названии романа Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени»), формировал мироощущение не одного поколения россиян. О сакрализации и мифологизации гоголевского героя в российском сознании красноречиво свидетельствуют многочисленные попытки сопоставить героя «Шинели» со святым Акакием и его житием или назвать в качестве реального прототипа гоголевского героя киевского юродивого, странника Ивана Босого, в прошлом канцеляриста, о котором Гоголь мог узнать во время своей поездки к М.А.Максимовичу в Киев в июле 1835 г.<sup>7</sup>. Любопытно в этой связи мнение Петра Вайля, высказанное в ходе дискуссии на «Радио Свобода» по поводу современных юмористических телепередач: «В русской традиции вообще довольно странное отношение к смеху, его любили, но стеснялись, любили, но не уважали. Даже Гоголя всегда ценили за его жалость к маленькому человеку, а не за грандиозный потрясающий юмор. Это допускалось. Если бы не его "Шинель", или какие-то другие сочинения, в

которых выведен страдающий маленький человек, то, боюсь, Гоголю никогда бы не попасть в пантеон русской литературы»<sup>8</sup>.

Для воспитанного литературой россиянина герой «Шинели» обретает аксиологическое звучание. Это герой-тестер, позволяющий читателю оценить гуманизм собственной души, меру человечности в собственной совести и покаяться, если эта мера окажется недостаточной. Именно «маленький человек» и формирует то поколение «учеников Достоевского – кающихся интеллигентов», против которого восстает Д.Мережковский в «Защите Белинского» (1915 г.)<sup>9</sup>. Но в этом «маленьком человеке» психоаналитики без труда выявляют «две противоположные, не согласные между собой природы – природу оскорбленного и униженного существа и агрессивную, пугающую, наводящую на всех живых ужас»<sup>10</sup>. Именно это «двойное дно» увидел в герое «Шинели» В.Ермаков, стоявший у истоков советского психоаналитического литературоведения. А Эйхенбаум в статье «Как сделана «Шинель» Гоголя» оспаривает выводы «наивных и чувствительных историков литературы, загипнотизированных Белинским» относительно концептуальной роли знаменитого «гуманного» места повести: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». Эта «сентиментально-мелодраматическая декламация» оценена Эйхенбаумом как «неожиданное внедрение в общий каламбурный стиль» произведения, представляющий собой игру, где «мимика смеха сменяется мимикой скорби»<sup>11</sup>.

Уходя от обозначенного в произведениях русского «позднего постмодернизма» (Т.Толстая В.Пелевин, Д.Галковский) противопоставления постмодернистскому художественному коду констант национальной культуры как некоего противовеса, Маканин подвергает ревизии сами константы, обнаруживая их неадекватность новому времени, современному социокультурному универсуму другой России с «новыми русскими» и «новыми нищими», раскрывая «трагическую вину» этих констант в развитии России. Новое время развенчивает ключевой для сознания русской интеллигенции гоголев-

ский миф о «маленьком человеке», обнаруживая за внешней вызывающей жалостью беззащитностью гоголевского Акакия Акакиевича мизерность души тщеславного и подлого человечка: «Как тип Акакий для нас лишь предтип, и классики в XIX рановато поставили на *человечке* точку, не угадав динамики его подражательного развития – не увидев (за петербургским туманом) столь скороспелый, тщеславный изгиб. Мелкость желаний обернулась на историческом выходе мелкостью души. Не досмотрели маленького»<sup>12</sup>. Некая игра с кодом «Шинели» присутствует и в знаковом совпадении имен гоголевского портного – Петровича, и главного героя «Андеграунда», бывшего «агэшника» и писателя Петровича, выносящего приговор реинкарнированному Акакию Акакиевичу – Тетелину. Оба Петровича кроют или перекраивают свою шинель для «маленького человека».

Перекодировка в «Андеграунде, или Герое нашего времени» одного из самых популярных в русской классической литературе гоголевского культурного мифа, позволяет показать **этимологию беспомощности** воспитанного на литературных мифах поколения 1960-х гг., ставшего в новой России «лишним», проигравшего сражение алитературной, прагматичной генерации 1990-х – «поколению бизнесменов и политиков». Жалкий «маленький человек» как и «лишний» «герой нашего времени» не могут стать созидателями, героями **нового** мифа о новой России. К тому же, воспитанный на идее сочувствия «маленькому человеку» – этакому идеалу бедного, обойденного судьбой существа, нуждающегося в защите, читатель воспринял и соответствующую модель поведения: бесплодного и бесполезного «жаления» себя, несчастного, тогда как созидательной может быть лишь модель поиска выхода, а значит, действия. На такие мысли меня наталкивает маканинский текст.

Переступив порог нового тысячелетия, Маканин еще резче формулирует идею развития жалкого «маленького человека» в условиях нового общества, основанного на идеале выгоды и пользы. В романе «Испуг» (2006 г.) появляется глава «*За кого проголосует маленький человек*», вновь вводящая гоголевскую мифологию, но теперь уже в социальный, политизированный

контекст новых реалий России третьего тысячелетия. Писатель показывает дальнейшую эволюцию бездеятельной, а значит асоциальной личности. Нынешний «маленький человек» не способен ни к каким действиям даже во благо себе. Поэтому Петрович, герой, перекочевавший в новый маканинский роман из «Андеграунда...», решает проголосовать за того кандидата, на телевыступлении которого он завершит свой половой акт, сопровождаемый, как аккомпанементом, телесюжетом о предвыборных теледебатах.

Любопытно, что инокультурное восприятие совершенно трансформирует и центральный образ повести Гоголя, и саму идею «Шинели». Так, американский балетмейстер Ноа де Гелбер предложил свою трактовку гоголевского произведения, поставив в Мариинском театре балет на музыку Д.Шостаковича (премьера состоялась 21 марта 2006 г.). Историю Акакия Акакиевича балетмейстер прочитал как неудавшуюся попытку этого героя **пробиться в мир стабильности и процветания**. Но исполненный русскими актерами балет оказался отличным от деклараций постановщика, ибо вступил в противоречие с российской ментальностью исполнителей, воспитанной на гоголевской «Шинели», на том «филантропическом» (по словам К. Аксакова), «гуманистическом» (как его называли Белинский, Чернышевский, А.Хомяков, Ю.Самарин), «жалостливо-сентиментальном» (по мнению Чернышевского) отношении к человеку вообще и к «маленькому», в частности, которое еще один американец, профессор Д. Фангер, называет «этическим», основанном на "гуманном месте" повести <sup>13</sup>. Именно таким: трогательным, наивным, отчаянно жалким станцевал Акакия Акакиевича Андрей Иванов.

Однако бездеятельность, непонятная американцу и оправдываемая российской ментальностью, активизирует и ту, вторую природу Акакия Акакиевича, о которой писал психоаналитик Ермаков: агрессивность. Это оборотная сторона жалости, ибо слабый чаще всего не благодарит жалеющих его, а втайне завидует. Читатель «Шинели», на которой воспитано несколько поколений россиян, получал прививку и такой потаенной зависти. Эта скрытая



или скрываема́я зависть и есть зародыш той агрессии, что выливается в классовые и социальные конфликты. Мелкая душа, оказавшись во власти темных сил, в определенных условиях может совершить ужасные вещи. Не об этом ли предупреждал Гоголь, только ли жалость хотел пробудить он в русской душе?

#### ПРИМЕЧАНИЯ

---

<sup>1</sup> *Маканин В.* Андеграунд, или Герой нашего времени. М., 1999. С.124.

<sup>2</sup> Там же. С.124.

<sup>3</sup> Там же. С. 128.

<sup>4</sup> Там же. С. 108.

<sup>5</sup> Там же. С. 140.

<sup>6</sup> Там же. С. 141.

<sup>7</sup> *Евдокимов О.В.* Кто вошел в гоголевскую «Шинель»? [Электронный ресурс] // [www.vernost.ru/jurodivye/Opinions/opinion9.htm](http://www.vernost.ru/jurodivye/Opinions/opinion9.htm) - 33к -(дата обращения 05.11.2007); *Емец Д.* Житийные традиции в повести Гоголя «Шинель» [Электронный ресурс] // <http://bookz.ru/authers/dmitrii-emec/emetsd45/1-emetsd45.html>.

<sup>8</sup> *Качкаева А.* Смотрим телевизор. Сатириков в президенты и шуточное телевизионное вещание [Электронный ресурс] // <http://www.svoboda.org/programs/tv/2004/tv.012604asp>. (дата обращения 19.11.2007).

<sup>9</sup> *Мережковский Д.* Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции. Пг., 1915. С.6.

<sup>10</sup> *Ермаков И.Д.* Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. М., 1999. С. 246.

<sup>11</sup> *Эйхенбаум Б.* О прозе. О поэзии. Л., 1986. С. 54-57.

<sup>12</sup> *Маканин В.* Андеграунд, или Герой нашего времени. М., 1999. С. 141.

---

<sup>13</sup> *Фангер Д.* В чем же, наконец, существо "Шинели" и в чем ее особенность // Н.В.Гоголь. Материалы и исследования. М.,1995. С. 57.